
Ю.Е. Вершинина

КОНФЛИКТ В СЕМЬЕ КОРОЛЯ АМАЛАРИХА: ПРАВДИВЫЙ СЮЖЕТ ИЛИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДИПФЕЙК?

Вслед за раннесредневековыми историками Григорием Турским и Прокопием Кесарийским исследователи традиционно трактуют конфликт в семье короля вестготов Амалариха и его жены франкской принцессы Хлотхильды как сугубо религиозный. Настоящая статья посвящена установлению политического и религиозного контекстов заключения их брака с целью выявления возможных причин возникшего между супругами конфликта. Принято считать, что данный союз был средством укрепления мира и закрепления сложившихся границ между королевствами франков и вестготов после военных столкновений в начале VI в. В то же время не стоит недооценивать и соображения престижа, которые могли двигать обеими королевскими семьями при его заключении. При этом, как показывает анализ источников, сам факт вступления в брак с представителем иной конфессии не вызывал беспокойства ни у самих будущих супругов или членов их семей, ни у их современников. Анализ положения ортодоксальной христианской церкви в королевстве вестготов показывает, что сохранение Хлотхильдой верности никейскому христианству не могло стать основной причиной конфликта между супругами. Однако это обстоятельство не исключает использование данного фактора в качестве предлога для него. Среди других причин конфликта идентифицируются возможное недовольство вестготской знати, выдевшей в браке своего короля с принцессой из рода Меровингов символ подчинения франкам, и предположительный рост популярности Хлотхильды среди римской аристократии и никейского духовенства, что могло рассматриваться ее мужем как угроза его власти, и отсутствие у пары детей, что ставило под угрозу существование династии Балтов, и стремление к смене политического вектора через заключение нового, более выгодного брачного союза. Делаются предположения о возможности «изобретения» этого конфликта братом Хлотхильды Хильдебертом с целью использования его во внутриполитической борьбе в королевстве франков. Позже через дипломатические контакты между франками и Византией информация о нем могла стать известна Прокопию Кесарийскому.

Ключевые слова: конфликт, арианство, вестготы, Амаларих, Хлотхильда, Прокопий Кесарийский, Григорий Турский, «Десять книг историй»

Судя по сообщениям источников, в период поздней Античности и раннего Средневековья, как и в настоящее время, семьи, члены которых исповедовали различные религии, не являлись исключением. В сочинениях известнейших историков этого периода (Григория Турского, Беды Досточтимого, Павла Диакона и др.) неоднократно упоминаются родственные коллективы, где один из супругов или родственников был язычником, а другой – христианином, или те, где муж и жена принадлежали к различным христианским конфессиям (никейскому¹ или «ирландскому» христианству, арианству и т.д.). Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, подобные браки не считались недопустимыми².

Однако подобная терпимость не означала, что в этих семьях не возникали ссоры на религиозной почве. Именно таковым принято считать конфликт между королем вестготов арианином Амаларихом (526–531) и его женой никейской христианкой Хлотхильдой (500/502–531)³: арианин Амаларих в какой-то момент их брака начал преследовать за веру свою жену-никейскую христианку (*Hist. P.* 106–107, III 10; *Procopius* 1919. P. 134–135).

До настоящего времени исследователи достаточно мало внимания уделяли данному сюжету, вскользь упоминая его в контексте политической истории королевств франков⁴ и вестготов (Wallace-Hadrill 1962. P. 77; Thompson 1969. P. 11–12; Zöllner 1970. S. 74; O'Callaghan 1975. P. 41; Wood 1994. P. 169–170; Heather 1996. P. 277–278; Valverde 1999. P. 310–311; Клауде 2003. С. 48, 56; Циркин 2010. С. 211). При этом, сообщения Григория Турского и Прокопия Кесарийского, из которых мы узнаем об этой истории, часто цитируются почти дословно, без их критического осмысливания и более глубокого анализа с точки зрения политической и религиозной ситуации, сложившейся вокруг вестготской королевской семьи.

В настоящей статье делается попытка заполнить указанную лакуну, сопоставив сведения источников о конфликте с имеющейся у нас инфор-

¹ В данной статье понятия «никейское христианство», «ортодоксальное христианство» и «католицизм» используются как синонимы для обозначения системы верований и церковной организации, существовавшей в Западной Европе параллельно с арианством, чьи деятели признавали над собой, пусть иногда и формально, верховенство епископа Рима.

² Даже королю Нортумбрии Эдину, бывшему на момент сватовства язычником, удалось заключить брак с кентской принцессой-христианкой, хотя первоначально ему отказали как раз по причине его нехристианского вероисповедания (Beda Venerabilis 1969. P. 162, II 9). В то же время представители духовенства, по всей видимости, ожидали от своих прихожан, особенно женщин, определенных усилий по обращению своих супругов в истинную веру (Вершинина 2022).

³ Имена собственные и топонимы даются, если не указано иначе, по «Истории франков» (Григорий Турский 1987). Для королей в скобках указаны годы правления, для женщин – годы жизни.

⁴ Об использовании терминов «королевство франков» и «Франкия» и их латинских аналогов (*regnum Francorum* и *Francia*) в V–VI вв. для обозначения территорий, находившихся под властью рода Меровингов, см. подробнее: Gillett 2002; Gillett 2011.

мацией о политическом и религиозном развитии королевств франков и вестготов в первой половине VI в. Кроме того, нашей целью является установление возможных причин конфликта в королевском семействе, а также вероятности его «изобретения» кем-то из участников этих событий. Таким образом мы не только сможем углубить наши знания о политической и религиозной истории франков и вестготов, но и установить возможность использования дезинформации в политической борьбе в раннесредневековой Европе.

Политический контекст брака Амалариха и Хлотхильды

Наиболее подробно история Амалариха и Хлотхильды освещается не в испанских источниках, а в «Десяти книгах историй»⁵ Григория Турского, который рассказывает ее в два приема. Сначала он сообщает о сватовстве Амалариха: «... После смерти короля Хлодвига четыре его сына – Теодорих, Хлодомер, Хильдеберт и Хлотарь получили его королевство и разделили его между собой на равные части. Теодорих уже тогда имел сына по имени Теодоберт, красивого и способного. И поскольку они были чрезвычайно храбрыми и их войско было многочисленным, Амаларих, сын Алариха, короля Испании, попросил в жены их сестру. Они милостиво дали ему свое соизволение и отправили ее саму в Испанию с большим приданым...»⁶ (здесь и далее, если не указано иначе, перевод мой. – Ю. В.).

В этом сообщении речь идет о нескольких важных событиях: смерти патриарха династии Меровингов Хлодвига (481/482–511) и мирном и равном разделе его королевства между сыновьями, несмотря на то что старший из них был рожден от наложницы; наличии у Хлодвига ко времени его смерти восьмилетнего внука Теодоберта (533/534–547/548), что внушало некоторую уверенность в будущем династии; наличии определенной репутации, а также значительных военных контингентов и богатств у второго поколения королей-Меровингов. Результирующей данных обстоятельств турский епископ назвал сватовство короля вестготов Амалариха к франкской принцессе Хлотхильде⁷.

⁵ Сочинение, более известное отечественному читателю как «История франков». О названии см. подробнее: Goffart 1988. P. 119–127.

⁶ «...Defuncto igitur Chlodovecho regi, quattuor filii eius, id est Theudoricus, Chlodomeris, Childeberthus atque Chlothacharius, regnum eius accipiunt et inter se aequa lantia dividunt. Habebat iam tunc Theudoricus filium nomen Theudobertum, elegantem atque utilem. Cumque magna virtute pollerent et eis de exercitu rubor cupiosus inesset, Amalaricus, filius Alarici, rex Hispaniae sororem eorum in matrimonio postolat, quod ille clementer indulgent et eam ipse in regionem Hispaniae cum magnorum ornamentorum mole transmittunt...» (Gregorii Episcopi Turonensis 1951. P. 106–107, III 10; далее Hist).

⁷ Прокопий Кесарийский прямо говорит о страхе Амалариха перед агрессивными королями франков: «...Амаларих же, который считался королем визиготов, возмужав и боясь силы германцев, женился на сестре Теодоберта...» (Прокопий Кесарийский 1950. С. 120).

Насколько реалистичной была картина успеха Меровингов, созданная Григорием Турским? Действительно, вплоть до 530-х гг. между братьями-Меровингами не происходило открытых конфликтов. Они даже обращались друг к другу за помощью в случае военных походов и за поддержкой в иных политических предприятиях⁸. Таким образом, внешне короли франков могли казаться сплоченной политической силой. Теодорих I, старший из сыновей Хлодвига, к началу 520-х гг. успел заключить два весьма престижных брака, породнившись с правителями готов и бургундов (Crisp 2003. P. 88–89; Ewig 1991. P. 50), и, как уже было сказано, имел взрослого сына. В то же время военные успехи сыновей Хлодвига были менее впечатляющими. Хотя сын Теодориха успешно отразил нападение данов (Hist. P. 99, III 3), войну с бургундами 523–524 гг. Меровинги проиграли, а один из них – Хлодомер (511–524) – был убит (Wood 1994. P. 51–54).

Брак Амалариха и Хлотхильды был подготовлен и событиями начала VI в., когда франки разгромили вестготов в битве при Вуйе (507 г.) (Циркин 2010. С. 192–194; The Battle of Vouillé 2012). В ней погиб отец Амалариха, король Аларих II (484–507). Только вмешательство деда Амалариха, короля остготов Теодориха Великого, позволило остановить агрессию франков и сохранить владения вестготов в южной Галлии (Циркин 2010. С. 195–197). После его смерти Амаларих лишился защиты короля остготов. Именно стремление короля вестготов обезопасить себя от новых вторжений с севера большинство исследователей называют главной причиной его брака с Хлотхильдой (Heather 1996. P. 277; Клауде 2003. С. 48; Циркин 2010. С. 211).

Кроме того, вестготское королевство было значительно ослаблено после событий 510-х гг. Авторитет королевской власти подорвало регентство Теудиса⁹, который правил от имени Теодориха Великого. Весьма вероятно, что он продолжал контролировать большую часть вестготских владений на Иберийском полуострове даже после начала самостоятельного правления Амалариха (Thompson 1969, P. 11; Valverde 1999. P. 309–311). Делая ставку на римскую аристократию, Теудис заключил брак с ее представительницей, который принес ему значительные богатства, позволявшие содержать собственную частную армию¹⁰ (Collins 2004.

⁸ Однако, часто случалось, что такие походы и предприятия были направлены против друг друга. Так, после женитьбы Теодориха I (511–533/534) на дочери короля бургундов ок. 517 г. (см.: Ewig 1991. P. 51) его единокровные братья, опасаясь его усиления, в 523 г. напали на Бургундию под предлогом мести за убийство своих бургундских деда и бабушки. В ходе этого столкновения теща Теодориха, его вторая жена и дети были убиты (Hist. P. 101–103, III 6).

⁹ *Teoda* у Григория Турского (Hist. P. 126, III 30).

¹⁰ Этот факт, по мнению М. Вальверде, демонстрировал значение, которое римская аристократия приобрела в жизни королевства вестготов (Valverde 1999. P. 311). Кроме того, он показывает, что религиозная принадлежность не была камнем преткновения при заключении браков для вестготов так же, как и для франков.

P. 43)¹¹. В этой ситуации брак с принцессой франков мог рассматриваться Амаларихом также как способ повысить свой престиж внутри страны и привлечь на свою сторону вестготскую знать¹².

Таким образом, свадьба с Хлотхильдой, если и не гарантировала безопасности его государству и столице Нарбону, то добавлял ему престижа, а ее богатое приданное позволяло укрепить его финансовое положение (Valverde 1999. P. 310–311). Поэтому замечание Григория Турского о том, что братья Хлотхильды *милостиво удовлетворили* (*clementer indulgent*) просьбу короля вестготов, кажется соответствовавшим текущей политической ситуации.

Турский епископ создает у читателей впечатление, что все братья Хлотхильды дали согласие на ее брак с Амаларихом. Однако старший из ее единоутробных братьев Хлодомер был к этому времени мертв. Б. Дюмезиль считает, что решение об этом брачном союзе принимал Теодорих как старший мужчина в семье. Король франков, по его мнению, рассчитывал таким образом закрепить мир с вестготами и сохранить за собой отвоеванные его отцом у вестготов территории (Dumézil 2005. P. 610–611, n. 1815).

С другой стороны, Теодорих мог и не участвовать в принятии этого решения, поскольку не был сыном Хлодвига от Хродехильды. Р. Крисп считает, что согласие на брак сестры давал Хильдеберт I как старший из оставшихся в живых ее единоутробных братьев. Ему данный союз позволял разыграть роль могущественного и щедрого властителя, устроившего для сестры престижный союз и снабдившего ее богатым приданым (*magnorum ornamentorum molis*) (Crisp 2003. P. 100–101).

Таким образом, Амаларих и короли франков могли видеть в этом браке подтверждение мира между государствами и средство закрепления сложившихся в южной Галлии границ. Кроме того, сам по себе союз был престижен для обоих семей, в т.ч. потому что позволял продемонстрировать их богатство. Наконец, он определенно добавлял королю вестготов политического веса за границами страны¹³.

¹¹ В итоге именно Теудис стал королем вестготов после смерти Амалариха (Hist. P. 126, III 30).

¹² Р. Крисп считает, что Амаларих искал в этом браке престижа, а не гарантий мира с франками (Crisp 2003. P. 100–101). Меровинги были богаты, что демонстрировало приданное Хлотхильды, контролировали обширные территории и состояли в родстве с династиями Амалов (Hist. P. 126, III 31; Ewig 1991. S. 50, 54), Балтов (Gobry 1998. P. 6) и королевской династией бургундов (Favrod 2002. P. 107).

¹³ Неслучайно, Прокопий сначала сообщает о свадьбе Амалариха и сестры короля франков, а затем о достигнутом им соглашении с правителем остготов о разделе территорий и возвращении казны (Procopius 1919. P. 134–135). Брак с Хлотхильдой, в изображении византийского историка, укрепил положение короля вестготов на международной арене, даже если не предполагал заключения военного союза с франками.

Религиозный контекст брака Амалариха и Хлотхильды

В книге Э. Томпсона «Готы в Испании» присутствует следующее замечание по поводу брака Амалариха и Хлотхильды: «*Если она должна была перейти в арианство, то не смогла бы играть роль посредника между своим мужем и своими братьями – королями франков. Если она оставалась католичкой, то оказалась бы уязвимой при дворе Амалариха, как в итоги и случилось*» (Thompson 1969. P. 12).

Однако, ни братья Хлотхильды, ни Прокопий Кесарийский, ни даже Григорий Турский на этапе заключения брака не сочли принадлежность жениха и невесты к различных христианским конфессиям обстоятельством, угрожающим положению франкской принцессы как жены и королевы при дворе вестготов (Dumézil 2005. P. 275). Тем не менее, в какой-то момент вера Хлотхильды стала неприемлемой для ее мужа. Что могло стать причиной изменения его мнения? И был ли Амаларих изначально заинтересован в переходе Хлотхильды в арианство?

На первый взгляд ответ на последний вопрос должен быть утвердительным. Переход в арианство мог укрепить положение молодой королевы при дворе ее мужа. Так, вестготская принцесса Брунгильда (543–613 гг.), ставшая женой короля франков Сигиберта (561–575 гг.), перешла из арианства в никейское христианство (Дюмезиль 2012. С. 124–125). Однако, она стала королевой в стране, где абсолютное большинство населения принадлежало к ортодоксальной церкви. В тоже время в вестготской Испании, помимо арианской церкви, также была представлена и церковь никейская.

Имел ли в таком случае переход франкской принцессы в арианство практический смысл? Для ответа на этот вопрос следует проанализировать положение ортодоксальной и арианской церквей и их прихожан в вестготской Испании.

Прежде всего необходимо учитывать этнический состав населения вестготского королевства: хотя точные подсчеты невозможны, принято считать, что вестготы-ариане составляли абсолютное меньшинство, а их поселения первоначально располагались в основном в окрестностях Тулузы¹⁴ (Клауде 2003. С. 32–33). Они жили обособленно, преимущественно в сельской местности (Ауров 2012. С. 49–50). Контакты между ними и испано-римлянами на бытовом уровне были ограничены.

В связи с этим, по количеству прихожан арианская церковь значительно уступала никейской, к которой принадлежало большинство испано-римлян. Арианство же считалось исключительно верой вестготов.

¹⁴ Р. Коллинз говорит об 1 млн. испано-римлян и ок. 20 тыс. вестготов в середине V в. (Collins 1991. P. 241). О.В. Ауров считает, что удельный вес вестготов в общей массе населения их королевства не превышал 1/10 (Ауров 2012. С. 49).

По мнению исследователей оно стало важной составляющей их идентичности, позволяя им не раствориться среди испано-римлян (Wallace-Hadrill 1962. P. 25; Thompson 1969. P. 40; Heather 1996. P. 245; Collins 2004. P. 65–66)¹⁵. При этом церковная организация ариан была развита гораздо слабее, чем у ортодоксов (Копылов 2012. С. 177–180, 184). Считается, что короли вестготов до Леовигильда не видели в арианстве потенциальную единую религию для всего населения их королевства и не намеревались превращать его в таковую.

Принадлежность к разным конфессиям не служила причиной для напряженности в отношениях между римским населением и вестготами¹⁶. На подчиненных им территориях вестготские короли не устраивали гонений на никейских христиан или прелатов (Клауде 2003. С. 41–42). Обращение католиков в арианство происходило крайне редко, оно никак не педалировалось и не поощрялось на официальном уровне (Thompson 1969. P. 40; см. также Heather 1996. P. 207). Напротив, по мнению исследователей, в конце V – середине VI в. ортодоксальная церковь во владениях вестготов процветала благодаря покровительству королевской власти (Collins 1991. P. 40; Thompson 1969. P. 32–34).

Сами различия между конфессиями были незначительными¹⁷. Григорий Турский сообщал, что во времена короля Леовигильда посол вестготов, хотя и был арианом, принял участия в мессе в соборе в Туле и заявили, что «*верует в то, во что веруют все католики*» (Григорий Турский 1987. С. 184). Принято считать, что в начале VI в. короли-ариане и деятели ортодоксальной церкви в вестготском королевстве предпочитали игнорировать существовавшие между ними религиозные различия¹⁸ (Heather 1996. P. 280; Ауров 2012. С. 65).

Таким образом, для того чтобы разделить веру большинства своих новых подданных Хлотхильде не нужно было менять веру. Кроме того, оставшись никейской христианкой, она сохраняла связь со своими франкскими родственниками. Принцесса не принадлежала к племени готов, арианство не могло стать для нее частью этнической идентичности.

¹⁵ Ю.Б. Циркин идет еще дальше и утверждает: «Вестготские короли даже всячески затрудняли переход из католичества в арианство, стремясь и в этом плане отделить господствующее вестготское меньшинство от возможного растворения в подчиненном римском большинстве» (Циркин 2010. С. 166).

¹⁶ Ср.: Копылов 2012. С. 176.

¹⁷ На догматическом уровне главное из них выражалось в том, что ариане не верили в единицу Бога-Отца и Бога-Сына, считая последнего творением первого. Однако, как отмечает Б. Дюмезиль, «лишь немногие богословы умели различать обе конфессии, и даже столь блестящий ум, как Ницетий Трирский, совсем запутался, когда попытался провести четкое различие между ними» (Дюмезиль 2012. С. 125). О других различиях между конфессиями см.: Thompson 1969. P. 41, 47, 51; Клауде 2003. С. 54; Ауров 2012. С. 64.

¹⁸ Конфликты, если и возникали, были скорее политического, а не религиозного характера (Вольфрам 2003. С. 286).

Хлотхильда не была единственной никейской христианкой при дворе, поскольку там находились представители испано-римской аристократии и ортодоксального духовенства, которые служили королю (Вольфрам 2003. С. 285–286). Поэтому сама по себе ее вера не являлась источником напряжения при дворе или в обществе.

Кроме того, королева-католичка могла служить медиатором между королем и его подданными-ортодоксами, демонстрировать его готовность сотрудничать с ними и уважать их веру¹⁹. Напротив, ее обращение, даже добровольное, поставило бы под сомнение веротерпимость короля и безопасность других никейских христиан в королевстве. Король-арианин и королева-католичка прекрасно отражали сложившееся в королевстве положение дел и баланс сил. Мир в королевской семье мог способствовать общему миру в государстве²⁰.

Сам Амаларих не был известен какими-либо гонениями на никейских христиан или попытками обращения их в арианство. Принято считать, что при нем положение никейской церкви было достаточно благоприятным, о чем, по мнению Д. Клауде, свидетельствует активная деятельность церковных соборов (Клауде 2003. С. 56; см. также Thompson 1969. Р. 34–35; Dumézil 2005. Р. 274). Тем удивительнее в этих обстоятельствах выглядит сообщение о гонениях короля Амалариха, который таки образом, не преследовал ни одного другого ортодокса в своем королевстве, кроме собственной жены.

Конфликт в королевской семье

Тем не менее, Прокопий Кесарийский и Григорий Турский схожим образом повествуют о конфликте в королевской семье:

Григорий Турский	Прокопий Кесарийский
«... Хильдеберт, полностью уверившись в этом (что его брат Теодорих жив. – Ю. В.), покинул Клермон и направился в Испанию ради своей сестры Хлотхильды. Она же терпела за свою католическую веру множество козней от своего мужа Амалариха. В самом	«... Впоследствии Амаларих, став во враждебные отношения с братом своей жены, потерпел большую беду. Его жена была православной веры, сам же он придерживался арианской ереси; поэтому он не позволял ей выполнять привычные ей обряды и выполнять богослужение по родным обычаям и,

¹⁹ Как это было в случае с королевой бургундов Каратеной и ее мужем (Kampers 2000).

²⁰ Именно с союзом между королем-арианином и ортодоксальной христианкой некоторые источники связывают религиозный мир, который якобы наступил в вестготской Испании в правлении Теодада (Isla Frez 2004. Р. 412–413).

деле часто, когда она направлялась в святую церковь, он приказывал бросать в нее навоз и различный дурно пахнущий мусор. Наконец, говорят, он избил ее с такой жестокостью, что она переслала брату платок, пропитанный собственной кровью. Поэтому, разозленный этим, он устремился в Испанию...»²¹.

так как он заставлял ее против воли принять его исповедание, обращался с ней самым недостойным образом. – Не имея сил выносить этого, женщина передала обо всем этом брату...» (Прокопий Кесарийский 1950. С. 120–121)²².

Большинство исследователей соглашается с ними, в оценке причин этих событий (Thompson 1969. P. 12; Collins 1991. P. 34; Heather 1996. P. 277; Клауде 2003. С. 48, 56; Вольфрам 2003. С. 451; Циркин 2010. С. 211). Х. Вольфрам даже называет Амалариха фанатичным арианином (Wolfram 1997. P. 264).

Кроме двух этих сообщений, у нас нет никаких свидетельств того, что сын Алариха II (484–507) изменил традиционной веротерпимости вестготских королей. Еще больше подозрений вызывает тот факт, что евангелическое рвение фанатика затронуло исключительно его жену. Если отбросить предполагаемое фанатичное арианство Амалариха, у него, как мы видели выше, фактически не было причин стремиться к обращению Хлотхильды. Оно ему было скорее невыгодно.

Тем не менее очевидно, что наши источники излагают если не истинную, то более или менее общепринятую версию событий. Мог ли в действительности иметь место конфликт между Хлотхильдой и ее мужем, и каковы могли быть его причины?

Конфликт с Хлотхильдой, ее публичное унижение и умаление ее достоинства могли быть вызваны несколькими обстоятельствами. Как мы видели выше, королевство вестготов как государство было значительно ослаблено в результате войны с франками и бургундами, а также последовавшим за ней периодом регентства. В связи с этим, если предположение Б. Дюмезиля о том, что брак Амалариха и Хлотхильды был ор-

²¹ «...Quod certissime Childeberthus cognoscens, ab Arverno rediit et Hispaniam propter sororem suam Chlotchildem dirigit. Haec vero multas insidias ab Amalarico viro suo propter fidem catholicam patiebatur. Nam plerumque procedente illa ad sanctam ecclesiam, stercora et diversos fetores super eam proieci imperabat, ad extremum autem eam crudilitate dicitur caecidissee, ut infectum de proprio sanguine sudarium fratri transmitteret, unde ille maxime commotus, Hispanias appetivit...» (Hist. P. 106–107, III 10).

²² «...ὑστερὸν δὲ Ἀμαλάριχος, προτεκτερουκώς τῷ τῆς γυναικός ἀδελφῷ, κακὸν μέγα ἔλαβε. δόξης γὰρ ὄρθης τὴν γυνάκοις οὖσαν, αἴρεσιν αὐτὸς τὴν Ἀρείου ἔχων, οὐκ εἴα νομίμοις τοῖς εἰωθότι χρήσθαι οὐδὲ κατὰ τὰ ἔθη τὰ πάτρια τὰ ἐξ τὸ θεῖον ἐξοιοῦσθαι, ἀλλὰ καὶ προσχωρεῖν τοῖς αὐτοῦ ἥθεσιν οὐκ ἔθελουσαν ἐν πολλῇ ἀτιμίᾳ εἶχεν. ἀπέρ ἐπει οὐχ οὕτα τε ἦν ἡ γυνὴ φέρειν, ἐς τὸν ἀδελφὸν ἐξήνεγκεν ἄπαντα...» (Procopius 1919. P. 134).

ганизован самим Теодорихом Великим верно (Dumézil 2005. P. 275), то он мог символизировать для вестготов их подчинение остготам²³. Более вероятным, однако, представляется, что вестготская знать могла усмотреть в этом союзе знак подчинения Амалариха франкам²⁴. Неслучайно и Григорий Турский, и Прокопий Кесарийский упоминали именно военную силу франков как причину брака Амалариха и Хлотхильды.

До второй половины VI в. королевская власть у вестготов была выборной и выбор являлся прерогативой знати (см.: Ауров 2012. С. 60). В этих условиях Амаларих не мог позволить себе игнорировать ее недовольство Хлотхильдой, особенно если часть его королевства продолжал контролировать Теудис. В таком случае публичное унижение Хлотхильды могло быть как способом продемонстрировать «независимость» Амалариха от франков, так и средством избавиться от нее, подтолкнув к разрыву брачных отношений.

Кроме того, считается, что, объявляя своей столицей Нарбон (Вольфрам 2003. С. 348, прим. 7)²⁵, Амаларих хотел придать городу символическое значение, заявить претензии на возвращение отторгнутых ранее владений вестготов в Галлии и обезопасить столицу и всю Септиманию от угрозы со стороны франков, ослабив их давление на границы королевства вестготов в южной Галлии²⁶. В то же время, хотя в Нарбонне жили представители разных этносов (римляне, готы, сирийцы и иудеи), римляне, безусловно, составляли среди них большинство (Циркин 2010. С. 336). В Септимании была хорошо развита ортодоксальная церковная организация (Thompson 1969. P. 11). В регионе было сильно влияние римской аристократии и магнатов (Клауде 2003. С. 55).

Таким образом, действительный или воображаемый рост популярности здесь королевы – никейской христианки, как и само ее появление, могло быть воспринято как угроза готской власти над ортодоксальным

²³ Считается, что бургунды воспринимали брак своего короля Сигимунда и дочери Теодориха Великого как символ их зависимости от остготов (Heather 1996. P. 233, 248)

²⁴ По мнению А. Изла Фрез, Исидор Севильский не упоминал о браке Хлотхильды и Амалариха, поскольку он считал, что этот брак стал результатом слабости Амалариха, его страха перед франками и упадка династии Балтов. Кроме того, он мог свидетельствовать о разрыве союза между вестготами и остготами, что также могло вызвать неодобрение в среде вестготской аристократии (Isla Frez 2004. P. 420–421). Э. Виеннен считает, что Хлотхильда, как и ее братья, получила свою часть владений отца – т.н. Тулузское королевство (занимало большую часть современной Аквитании), образованное во многом из земель, захваченных Хлодвигом у вестготов (Viennot 2006). Таким образом, хотя фактически франки не осуществляли контроля над этой территорией, они могли считать ее истинной правительницей Хлотхильду. Осведомленность об этом вестготской знати могла служить источником напряжения при дворе и в королевской семье.

²⁵ Но см.: Thompson 1969. P. 155, п. 2.

²⁶ Как отмечает М. Вальверде, в период тулузского королевства столица становится для короля такой же символической ценностью, как казна (Valverde 1999. P. 311).

населением²⁷. Ю.Б. Циркин считает, что именно подобные опасения заставили вестготскую знать повлиять на отношение Амалариха к жене (Циркин 2010. С. 211).

Кроме того, за время их брака (526/527–531 гг.) Хлотхильда, судя по всему, так и не родила Амалариху детей (Isla Frez 2004. Р. 420). Продолжение рода мужа считалась основной обязанностью королевы (Wood 1994. Р. 122). Рождение детей было крайне важно для этой пары, поскольку Амаларих был последним прямым потомком рода Балтов.

Наконец, поражение младших Меровингов в войне с Бургундией могло создать впечатление об их ослаблении и породить у короля вестготов и его окружения надежды на избавление от франкской зависимости/угрозы, особенно при условии заключения более выгодного брака, например с его двоюродной сестрой Матасунтой, которая была внучкой Теодориха Великого от его дочери Амаласунты и входила в брачный возраст.

Таким образом, у Амалариха и его окружения могло быть несколько причин для недовольства Хлотхильдой. Идея физической расправы как средства воздействия на неугодную супругу могла быть заимствована из истории самой династии Балтов: свекор дочери короля вестготов Теодорих I (418/419–451), заподозрив ее в заговоре, изувечил ее²⁸ (Диснер 2002. С. 72). Так или иначе, различное вероисповедание короля и королевы могло в лучшем случае стать поводом для конфликта, но не основной его причиной (Dumézil 2005. Р. 274–275).

Однако конфликт между Амаларихом и Хлотхильдой мог быть вовсе не таким серьезным, как его изображают Прокопий Кесарийский и Григорий Турский, или его могло не быть вовсе. Свидетельством в пользу этого является полное отсутствие информации о нем в испанских источниках, освещавших историю страны первой половины VI в. (Dumézil 2005. Р. 275).

В отсутствие конфликта между супругами вторжение Хильдеберта I в королевство зятя выглядит как обычный военный набег, каким он и изображается испанскими источниками²⁹. Тем не менее, на наш взгляд, франкское вторжение не было обычным рейдом. Его причины крылись в политической ситуации, но не в королевстве вестготов, а во владениях франков. На них указывает Григорий Турский, упоминая, что Хильдеберт отправился в Испанию, как только узнал, что его брат Теодорих, владения которого в Оверни он перед этими событиями незаконно

²⁷ О положении и влиянии королевы у вестготов см.: Isla Frez 2004.

²⁸ Об этом браке см. подробнее: Schwarz 2004. Р. 52–53; Клауде 2003. С. 24; Диснер 2002. С. 72; Голдуортி 2014. С. 525.

²⁹ Более того, в них вообще не упоминается о родстве между королями вестготов и франков, что может говорить о том, что само это родство никак не связывалось с этим конфликтом в коллективной памяти вестготов.

захватил, жив (Hist. P. 106–107, III 9, 10). Хильдеберт понимал, что Теодорих не оставит его поступок без ответа. Дестабилизация ситуации на границах его владений, вызванная нарушением мирного договора с вестготами, могла бы стать отличным отвлекающим маневром. Считается, что в ходе этого рейда Хильдеберту не удалось захватить никаких территорий у вестготов, несмотря на победу при Нарбоне (Циркин 2006. С. 175, прим. 140). Но возможно, это и не было его целью, поскольку его владения не граничили с вестготами и отвоеванные земли проблематично было бы защищать. В то же время захват казны Амалариха и другой военной добычи, часть которой составила церковная утварь, розданная им церквям во Франкии (Dumézil 2005. P. 275), был для него гораздо выгоднее.

Кроме того, если брак Амалариха и Хлотхильды, организовал именно Теодорих, то «спасение» сестры из рук мужа-тирана другим ее братом также ударяло по репутации старшего брата, который сначала выбрал ей недостойного супруга, а затем не смог ее защитить. В таком случае победа над Амаларихом давала Хильдеберту своего рода моральную индульгенцию за захват владений Теодориха.

Вероятно, именно Хильдеберту и / или его окружению принадлежит идея использовать предполагаемые издевательства короля вестготов над женой, возможно, изобразив их при этом как унижение не только достоинства сестры, но и как вызов Меровингам, в качестве причины для нарушения мира с вестготами. Представленный в таком виде поступок короля вестготов, также как и «неучастие» Теодориха в кровной мести за сестру, наносил ущерб репутации короля франков.

Таким образом, история о конфликте Амалариха и Хлотхильды вполне могла сложиться во Франкии и исходить от придворного круга короля Хильдеберта. Затем через дипломатические контакты между франками и Византией она могла стать известна Прокопию Кесарийскому. Григорий Турский, будучи важным франкским прелатом и придворным нескольких королей, также без труда мог познакомиться с ее деталями, а возможно, и с несколькими версиями. Так или иначе, но именно в таком виде она вошла в анналы истории франков и вестготов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Аурор О.В. Королевства вестготов в истории средневекового Запада // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 32–95. [Aurov O.V. Korolevstva vestgotov v istorii srednevekovogo Zapada (The Visigothic Kingdoms in the History of the Medieval West) //

- Vestgotskaya pravda (Kniga prigovorov). Latinskij tekst. Perevod. Issledovanie. Moscow, 2012. S. 32–95.]
- Вершинина Ю.Е.* Браки между язычниками и христианами в «Истории франков» Григория Турского // ВЕДС. 2022. Вып. XXXIV: Межэтнические контакты в социокультурном контексте. С. 51–55. [*Vershinina Yu.E.* Braki mezhdu yazychnikami i hristianami v «Istorii frankov» Grigoriya Turskogo (Marriages between Pagans and Christians in Gregory of Tours' History of the Franks) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Vyp. XXXIV: Mezhetnicheskie kontakty v sociokul'turnom kontekste. Moscow, 2022. S. 51–55.]
- Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова; под ред. М.Б. Щукина, Н.А. Бондарко, П.В. Шувалова. СПб., 2003. [*Wolfram H.* Goty. Ot istokov do serediny VI veka (opryt istoricheskoy etnografii) (Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts) / Per. s nem. B.P. Milovidova, M.Yu. Nekrasova; pod red. M.B. Shchukina, N.A. Bondarko, P.V. Shuvalova. St. Petersburg, 2003.]
- Голдсуортி А.* Падение Запада. Медленная смерть Римской империи / Пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семеновой. М., 2014. [*Goldsuorti A.* Padenie Zapada. Medlennaya smert' Rimskoj imperii (The Fall of the West: The Slow Death of the Roman Superpower) / Per. s angl. A.V. Korolenkova, E.A. Semenovoř. Moscow, 2014.]
- Григорий Турский.* История франков / Пер. с лат. В.Д. Савуковой. М., 1987. [*Grigorij Turskij.* Istorija frankov (History of the Franks) / Per. s lat. V.D. Savukovoř. Moscow, 1987.]
- Диснер Г.-И.* Королевство вандалов / Пер. с нем. В.Л. Санина и С.В. Иванова. СПб., 2002. [*Disner G.-I.* Korolevstvo vandalov (Das Vandalenreich: Aufstieg und Untergang) / Per. s nem. V.L. Sanina i S.V. Ivanova. St. Petersburg, 2002.]
- Дюмезиль Б.* Королева Брунгильда / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. СПб., 2012. [*Dumézil B.* Koroleva Brungil'da (La reine Brunehaut) / Per. s franc. M.Yu. Nekrasova. St. Petersburg, 2012.]
- Клавде Д.* История вестготов / Пер. с нем. С.В. Иванова. СПб., 2003. [*Klaude D.* Istorija vestgotov (Geschichte der Westgoten) / Per. s nem. S.V. Ivanova. St. Petersburg, 2003.]
- Копылов И.А.* Арианская церковь в Королевстве вестготов // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 173–187. [*Kopylov I.A.* Arianskaya cerkov' v Korolevstve vestgotov (Arian Church in the Visigothic Kingdom) // Vestgotskaya pravda (Kniga prigovorov). Latinskij tekst. Perevod. Issledovanie. Moscow, 2012. S. 173–187.]
- Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950. [*Prokopij Kesarijskij.* Voïna s gotami (Gothic War) / Per. s grech. S.P. Kondrat'eva. Moscow, 1950.]

- Циркин Ю.Б. Испания от античности к Средневековью.* СПб., 2010. [*Tsirkin Yu.B. Ispaniya ot antichnosti k Srednevekov'yu* (Spain from Antiquity to the Middle Ages). St. Petersburg, 2010.]
- The Battle of Vouillé, 507 CE Where France Began / Ed. by R.W. Mathisen and D. Shanzer. Boston; B., 2012.
- Beda Venerabilis. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* // Bede's Ecclesiastical History of The English People / Ed. with a facing-page transl. of the Latin text by B. Colgrave and R.A.B. Mynors. Oxford, 1969. P. 1–577.
- Collins R. Early Medieval Spain. Unity in Diversity, 400–1000.* L., 1991.
- Collins R. Visigothic Spain 409–711.* Oxford, 2004.
- Crisp R.P. Marriage and Alliance in the Merovingian Kingdoms, 481–639:* PhD. Diss. The Ohio State University. Ohio, 2003.
- Dumézil B. Les racines chrétiennes de l'Europe: conversion et liberté dans les royaumes barbares: V^e – VIIIe siècles.* P., 2005.
- Ewig E. Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im merowingischen Königshaus* // Francia. 1991. Bd. 18/1. S. 21–69.
- Favrod J. Les Burgondes: un royaume oublié au coeur de l'Europe.* Lausanne, 2002.
- Gillett A. Ethnography and Imperium in the Sixth Century: Frankish and Byzantine Rhetoric in The Epistolae Austrasicae* // Basileia: Essays on Culture and Imperium in Honour of E.M. and M.J. Jeffreys / Ed. by L. Garland, G. Nathan. Sydney, 2011. P. 76–78.
- Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? // On Barbarian Identity: Critical Approaches to Identity in the Early Middle Ages* / Ed. by A. Gillett. Turnhout, 2002. P. 115–118.
- Gobry I. Les premiers rois de France: la dynastie des mérovingiens.* P., 1998.
- Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon.* Princeton, 1988.
- Gregorii Episcopi Turonensis. Historiarum Libri X* / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison. Hannoverae, 1951. (MGH SS rer. Merov.; V.1.1). P. 1–537.
- Heather P. The Goths.* Oxford, 1996.
- Isla Frez M. Reinas de los godos* // Hispania. 2004. LXIV/2, num. 217. P. 409–433.
- Kampers G. Bonn Caretina – Königin und Asketin. Mosaiksteine zum Bild einer burgundischen Herrscherin (avec résumé français)* // Francia. 2000. Bd. 27/1. S. 1–32.
- O'Callaghan J.F. A History of Medieval Spain.* L., 1975.
- Procopius. History of the Wars. Books V and VI* / Transl. by H.B. Dwing. L., 1919.
- Schwarz A. The Settlement of the Vandals in North Africa* // Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa / Ed. by A.H. Merrills. Burlington, 2004.

- Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. II: De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565). P.; Bruxelles; Amsterdam, 1949.
- Thompson E.A.* The Goths in Spain. Oxford, 1969.
- Valverde M.R.* La monarquía visigoda y su política matrimonial. De Alarico I al fin del reino visigodo de Tolosa // Aquitania. 1999. T. XVI. P. 295–315.
- Viennot É.* La France, Les Femmes et Le Pouvoir: L'invention de la loi salique (V^e–VIe siècle). P., 2006.
- Wallace-Hadrill J.M.* The Barbarian West 400–1000. N.Y.; Evanston, 1962.
- Wolfram H.* The Roman Empire and Its Germanic Peoples / Transl. by Th. Dunlap. Berkeley; Los Angeles; L., 1997.
- Wood I.* The Merovingian Kingdoms 450–751. L.; N.Y., 1994.
- Zöllner E., Werner J.* Geschichte der Franken bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. München, 1970.

Yuliya E. Vershinina

CONFLICT IN THE FAMILY OF KING AMALARIC: AUTHENTIC STORY OR EARLY MEDIEVAL DEEPMFAKE?

Following the early medieval historians Gregory of Tours and Procopius of Caesarea, the conflict in the family of the Visigothic king Amalaric and his wife, the Frankish princess Clotilde the Younger, was traditionally interpreted as purely religious. The article establishes the political and religious contexts of their marriage, with the aim of identifying possible reasons for the subsequent conflict between the spouses. Among them there could have been the discontent of the Visigothic nobility, who saw this marriage as a symbol of subordination to the Franks; the supposed growth of Clotilde's popularity among the Roman aristocracy and the Nicene clergy, that could have been seen by her husband as a threat to his power; and Clotilde's inability to bear a child, which threatened the existence of the Baltic dynasty. It is proved that Clotilde's loyalty to Nicene Christianity could not have been the main reason for the conflict, which does not exclude the use of it as a pretext. Suggestions are made that the conflict may have been “invented” by Clotilde's brother with the aim of using it in the internal political struggle in the Frankish kingdom.

Keywords: conflict, Arianism, the Visigoths, Amalaric, Clotilde the Younger, Procopius, Gregory of Tours, The Ten Books of Histories

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-246-260